

Екатерина Ермолина родилась 15 марта 1985 г. в г. Челябинске. Окончила Челябинский государственный университет. По специальности — филолог, по роду деятельности — фрилансер, редактор и копирайтер. Стихи пишет с детства, занималась в литературной мастерской у Н. А. Ягодинцевой.

Публиковалась в периодических изданиях, альманахах и журналах: «Уральский следопыт», «Новый Ковчег», «Южный Урал», «Чаша круговая». Автор двух сборников стихов: «Привкус мяты», 2003, и «Платье из теней. Истории. Исповеди... Истины?», 2013 г., совместно с Владимиром Курбатовым.

Екатерина — призёр поэтического конкурса «Новые имена», 2002 г., дипломант фестиваля имени Л. Татьянической, 2010 г., победитель регионального литературного конкурса «Стилисты добра», 2013 г., лауреат Южно-Уральской литературной премии в номинации «Поэзия. Талантливая молодёжь» в 2014 г.

Участница Всероссийского совещания молодых писателей в Нижнем Тагиле, 2005 г., и Международного совещания молодых писателей в г. Каменск-Уральский, 2015 г. Рекомендована в члены Союза писателей России.

Екатерина Ермолина

Любовью, а не войной

Ночные письма

1.

«Ну, привет, моя девочка. Глупо спрашивать, как дела.
У меня всё нормально, хватает забот, тепла —
Представляешь, вот даже тепла. Бла-бла-бла-бла-бла...
И шикарная в окна луна светит каждой ночью.
Я стараюсь, ты знаешь, хожу деловой и всего добиваюсь сам.
Да, пускай это лишь фасад, но какой фасад!
...Я, ей-Богу, не знаю, о чём тебе написать,
Только вот написать тебе хочется очень-очень.

Иногда мне кажется, я один такой на земле.
Или нет: я один на Земле вообще. И мне триста тысяч лет.
Мне бы чуть повзрослеть, а я сдуру-то постарел,
В том числе и из-за нашего неслучившегося вдруг лета.
А вообще, что ж теперь. Не нравится — не смотри.
(Но когда под окном в темноте распускаются фонари,
Я собрал бы в букет их — и все тебе подарил,
Чтобы ты возвращалась домой с огромной охапкой света).

Ты держись там как-нибудь, слышишь, не умирай!
Ты же сильная девочка, истинный самурай.
Я и сам бы поклонился, что мне больше не нужен ни ад, ни рай —
Но я видел лишь рай. Может, ад мне всё-таки нужен.
Ну да ладно, моя ненаглядная Сейлормун,
Пусть у нас в этой жизни всё вышло не по уму,
Я надеюсь, ты будешь рада этому вот письму.
Ну, тебе хоть, по крайней мере, не станет хуже.

Ведь не бросишь меня в бан-лист, не отправишь в спам?
Я не знаю, зачем я пишу тебе это, сам...
Вроде как, ты молчишь, а вот я тебе написал...
Ну, молчи, молчи, мой упорный маленький воин Катя.

И цветущий сад фонарей в глубине души застилает смог.
Я хотел их спасти, но этого я не смог.
А сейчас я ещё раз перечитаю своё письмо —
И сотру его к чёрту.
Поскольку — ХВАТИТ».

2.

«Здравствуй. Да, это я, твоя верная Сейлормун.
Очевидно, не учит жизнь меня ничему...
Я была бы рада любому уже письму,
Только ты молчишь на износ. Впрочем, я ведь тоже...
Хоть бы слово черкнул мне — ну, как ты там, без меня...
Я нормально. Я ежедневно пытаюсь что-то в себе менять
(Так, наверное, тащат пьяницу из огня —
Умоляют подняться, за плечи тянут и бьют по роже).

Я справляюсь, конечно. А ты-то подумал что?!
Отвожу дочь в садик, стираю, мою, сдираю котов со штор,
Всё ваю статейки — работа хуже, чем в самой адовой из контор...
А тебя я не вспоминаю. Поскольку вот просто ПОМНЮ.
...А подруги повыходили замуж. Все до одной.
И друзья обзаводятся кто девушкой, кто женой.
Я уже заподозрила, что здесь у нас рай земной,
И в раю этом каждый кому-то нужен, любим и понят.

У меня без тебя не случилось лишь лето — и чёрт бы с ним.
Нет, конечно, я не претендую примерить нимб,
Но желаю тебе всего, что захочешь, — хоть пляжных нимф,
Хоть огромных крыльев, хоть завистников, мрачно глядящих косо.
Вот тебе твой плей-офф, твой массаж и твой шоколадный мусс...
Но, когда у слащавой жизни твоей истончится вкус,
Ты меня набери — я тихонько к тебе прижмусь,
И мы будем сидеть на луне, свесив ноги в открытый космос.

Ну, прости, прости. Эмоции через край.
А давай — вот как на духу, вот на айнс-цвай-драй:
Я какой-то, блин, недоделанный самурай —
Не могу жалеть своего — и тем паче желать чужого.
Я уеду... Я скоро уеду, и не ищи!
Это так же легко, как стирать номера, возвращать ключи...
Только там, где ладони твои касались моих ключиц,
Мне всю жизнь будет больно.
Как будто бы от ожога».

P. S.

И под утро, когда случаются вещие сны,
Засыпает она. Он спит, укутанный облачком тишины
И света... Но гудит и скребёт до кровищи, до самых почек
Нестерпимая боль изнутри... Ведь до слёз и до искр из закрытых глаз
Эти двое читают. Читают в десятый и сотый раз
Электронные письма, которые им никогда
Не увидеть
В почте.

О любви

Она не ржавеет, но в этом не много смысла:
Срок действия вышел — не ржавую, но спиши.

Он смотрит спокойно: должно быть, из любопытства
Пытается взглядом достать до глубин души.
Дежурные фразы, улыбки. Не меряемся силой.
Смеётся и машет рукой на моё: а ты?
А рядом — бабец, породистый, злой, красивый,
Спит-ест рядом с ним и мечтает мои мечты.

...И в личном... ты знаешь, их много вокруг — хороших.
Любовь тоже есть — ну, не может не быть она.
А круче того, что никто мне теперь ничего не должен,
Лишь то, что и я никому ничегошеньки не должна.
Легко и спокойно живу, без усилий, не стиснув зубы.
Разглядываю, разнюхиваю и пробую всё на вкус.
Когда-нибудь стану звездой и свалю на Кубу.
(Да нет, он нормальный мужик. Он смеётся. И я смеюсь).
— Про наших?.. Да нет, не в курсе. — И я не в курсе.
Я вообще не смотрю теперь на своё вчера...

Бабец хмурит бровки, того и гляди укусит.
Ну да, заболталась я с вами, идти пора.

...Летние сумерки сини, густы и клейки.
Тени слепляют в кучу, заклеивают весь мир.
Я проверяю эмэйл, ваяю свои статейки,
Мизинцем чешу кончик носа и пью кефир.
Уже тяжелеют веки, накатывает дремота,
И я отрываюсь от монитора, смотрю в окно...
Ох, как же спокойно-то, господи, как легко-то!..

...Как монотонно больно и как темно...

* * *

Что падает, то нужно ещё толкнуть.

Ф. В. Ницше

(Цитата часто изменяется до «Падающего — толкни», «Убей слабого» или «Убей в себе слабого»)

1.

Я не хочу убивать в себе слабого — а зачем?
Он добрый и славный, и нос у него в веснушках.
От этого нет ни грязи, ни зла, ни — почти никогда — проблем;
Его же не бить, а жалеть и лелеять нужно.
Он знает, какие на запах конфеты, какая на вкус мечта,
Какие на ощупь звёзды... Смешной такой и умильный.
А если мой слабый обижен, болеет или устал,
Или заплакал, на помощь придёт мой сильный.

2.

Он придёт, под собой ломая пласты коры
Земной, на ходу разрушая замешкавшиеся миры —
Не со зла, конечно, просто он прёт, как танк
С отказавшими тормозами. И его не пугает ни браунинг, ни винчестер,
Ни ракетный комплекс — в тот момент ему пофигу. И никакой дурак
На пути у него не встанет. Вот честно-честно.

3.

А потом, не дождавшись, чтоб раны слегка подсохли,
Превозмогая свирепую боль, он встаёт на лапы,
Чуть шатаясь, идёт и ищет, куда же забился слабый,
Улыбается, утирает с лица ему слёзки-сопли,
Наливает чай, стиснув зубы, приносит варенье, мёд —
Он ведь очень сильный, он всё простит и всегда поймёт...
А тем временем слабый стирает ему грязь и копоть с кожи,
Прикладывает к ожогам и ранам салфетки и чистый лёд,
Обнимает...
И сильный его обнимает тоже.

Эпилог

Раздавай щедрее, Всезнающий Судия!
Мне уже объясняли, что воля на всё Твоя,
И никто не посмеет оспорить решения Бога.
Только не впечатляет эта галиматья —
Что бы там ни случилось, а у меня есть я.
У меня
Есть
Я.
И это предельно много.

* * *

Рафаэль рисует Мадонну. Мадонна свежа, румяна,
Толстощёка. Труд кропотливый, долгий и еженощный.
Скулы, брови девы святой получают без изъяна...
Фрида Кало рисует свой переломанный позвоночник.

Рафаэль мешает краски, кладёт мазки и
Думает: не отвлекай меня, мирская мелкая суета...
Фриде мешает всё — мышцы, сухожилия, жилы, почти сухие;
Боль торчит под тупым углом из середины её хребта.

И, пока ни один из художников не закончил свою картину,
Не случились новые откровения и прочие чудеса,
Фриде снятся трамваи, кромсающие ей спину,
Рафаэлю — ангелы, поющие в небесах.

И никто не вспомнит, а что там было — в начале,
Свет лучин, ночника, занавески дрожат на ночном ветру...
Рафаэль рисует, чтоб ангелы не молчали.
Фрида — чтобы не сдохнуть к будущему утру.

* * *

Апостол номер тринадцать, беженец Гипербореи,
Единственный выживший чёрт знает чего там после...
Нашлась сумасшедшая — любит его, жалеет,
Чай ему в кружке носит.

Говорит: видишь, вокруг всё разбито, раздавлено злыми жабами,
Куда ни сунься — подло, паршиво, низко...
А забьём мы с тобою на это гвозди, большие, ржавые,
А чтобы не страшно, на них же повесим звёзды на тонких нитках.

И. Р. К.

...Ночью улица светится фонарями круглыми — монотонно,
Сквозь дрему, устало и горячо,
За перекрёстком тычется носом сонным
Зимнему лесу в темнеющее плечо.

Стены домов охраняют сны до начала дня,
Машины редкие проехать спешат скорее...
А над всем этим колышутся, чуть звеня,
Колючие яркие звёзды Гипербореи.

После апокалипсиса

Было два огнестрела... И Вадик погиб вчера,
Не успев узнать, насколько он стал мне дорог.
Пахло спиртом и хлоркой в обшарпанных коридорах
И в палате, подставленной окнами трём ветрам.
Я вернулась в семь. Где была, не помню. Хотя слегка
Помню дым сигарет... И консилиум грязных кружек...
Мне подумалось спьяну: нас мучают, как зверушек
Лабораторных на тестах сверхнового порошка.
...Я лежу на холодном и жёстком полу (если чувствую — я жива).
Но жива как-то странно, неполноценно и по-сиротски —
Как соседи, друзья и Вадикова вдова,
Мама, папа и тётка Дарья в Днепропетровске...
А на стенах картины мои: на убогом столе папайя и ананас,
Чёрный кот в одуванчиках, много солнца и прочее счастье...
Это всё рисовала не я, а какая-то дура, и если б нас
Познакомили вдруг, я не стала бы с ней общаться.
Порошок разработан. Суперчистящий. Смоющий вниз,
В бесконечную бездну, всю грязь, что копилась столько
Лет. (Кажется, я теперь понимаю княгиню Ольгу,
Хоть хвалила себя за отчаянный гуманизм).
...Где-то там, в отстиранной накрахмаленной белизне,
Что гораздо тоньше и чище, чем первый снег, и
Не приемлет ни грязных пятен уже извне,
Ни следов от пуль, будет солнце и прочее счастье — уже навеки...

Только выключи Ты эту зверскую боль во мне,
Выключи свет за окном
И сомкни мне веки.

И. В. Е.

Про «А» и «Б»

Что-то кому-то сужает зрачки,
Кто-то кому-то втирает очки...
Мы же — сидим на трубе.
Кто-то силён — и поэтому крут...
Где-то опять Харе Кришна орут...
Кто-то бежит за рубеж,

Где-то потопы, а где-то пожар...
С неба летит к нам вселенский кошмар,
Кто-то божится помочь...
В общем-то, мог бы, да всех не спасти:
Ангелы, добрые, будто с картин,
В ужасе ломаются прочь.

Кто-то рисует военный плакат,
Кто-то сломался, но сам виноват,
Кто-то — маньяк-психопат...
Чьи-то ракеты попали в Багдад,
Где-то опять Хиросиму бомбят...
Мы же глядим на закат.

Мир помешался, по горло увяз...
Шквальный огонь, саблезубый экстаз...
Может быть, мы не в себе,
Раз не воюем, раз крови не пьём,
Просто залезли повыше вдвоём —
Вот и сидим... на трубе...

Милый маркетинг, ядерный взрыв...
Что там, внизу?.. Кто-то плачет навзрыд,
Кто-то кричит: «Мы — в аду!»

Вроде, там жизнь, только вовсе не жизнь...
Знаешь... не падай, крепче держись!
Я без тебя пропаду...

* * *

Там такая трава пробивается меж камней,
Острым краем касается неба — не поцарапать
Бы его... Но, когда ты, легонько ступая, идёшь по ней,
То щекотно лапам.

Там такие мягкие, пухлые, близкие облака
Понапиханы прямо в воды озёр и речек,
А какие леса, ты бы видел, — густые и полные смысла, как
Взгляд мудрейшего из мудрейших.

Там не нужен никто. Вот увидишь, рванём с цепи,
Свежим ветром вгрызаясь, воздух прорвём до мяса —
Мы уедем туда, ты, пожалуйста, потерпи,
Не сдавайся...

...Он забылся... Горячий, томящий сон, полубред ночной;
В окнах злая луна наблюдает с ухмылкой хмурой,
Как дыханье проходит в теле тяжёлой тугой волной,
Поднимает рёбра его под облезшей клочками шкурой.

Лапы слабые, нервный хвост... Поскулил, умолк.
Допиваю чай, накрываюсь одеялком — жиденьким, худосочным...
Ну, и как мне лечить тебя, захиревший внутренний волк-
Одиночка?

* * *

Он сделал мне солнце из старенького плафона,
Огромное, белое — будто бы по заказу.
И солнце висело несколько удивлённо —
Оно привыкало. Привыкло оно не сразу.

Оно накалилось нехотя, постепенно,
Покрылось по краю солнечными лучами...
И пена для ванн превратилась в морскую пену,
А жёлтый линолеум берегом стал песчаным.

Сквозь дюны вела дорога по коридору
На кухню, к лесам прохладным и толстокорым...
Давай, говорила я, здесь построим горы,
Как строят город.

Представь, как они поднимаются выше, круты, лесисты,
И сквозь потолок прорастают макушкой в небо...
Пускай там живут косули, живут лисицы —
Мы будем кормить их салатом и чёрным хлебом.

...За окнами мира темнело нескоро, робко,
Однако над всем в природе и мы не властны.
И я, обнимая его, выключала кнопку —
И пыльное белое солнце послушно гасло.